

Никитина Вера Александровна
(Башкортостан)

ИСИХАСТСКИЕ КОНТЕКСТЫ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Аннотация. Статья посвящена изучению исихастских контекстов в поэтике Ф. М. Достоевского, мистического опыта, переживания присутствия Бога, связи метафизического и жизненно-эмпирического на материале его романа «Идиот».

Ключевые слова: исихазм, безмолвие, христианство, русская литература, Ф. М. Достоевский, роман «Идиот».

«Как первая встреча с любовью,
как первая встреча с морем,
первая встреча с Достоевским —
памятная дата в жизни каждого»

Хорхе Луис Борхес [3, с. 140]

Исихазм — христианская мистическая традиция в монашестве, получившая широкое распространение в Византии в XIV веке, подвиг, связанный с отшельничеством и безмолвием. «В позднюю византийскую эпоху исихастами назывались монахи, посвятившие себя абсолютной тиши, священному покою, внутреннему духовному сосредоточению, непрерывной умной молитве» [9]. Исихазм — «аскетическое учение в сущности своей есть не что иное, как древнее учение... о путях созерцательной уединенной жизни, известное в истории православного монашества под именем безмолвничества» [4, с. 131]. К этому течению относится, в частности, учение святителя Григория Паламы об умной молитве, ее приемах и высших духовных состояниях.

Исихастские контексты могут найти свое отражение в русской литературе XIX века. Исихазм в поэтике Федора Михайловича Достоевского можно определить словами Т. А. Касаткиной: «О Достоевском и исихазме говорили немного — и с наибольшей очевидностью и убедительностью в том случае, когда упоминания о деятелях исихазма присутствовали непосредственно в тексте, как это

было в случае “Братьев Карамазовых”. Однако исихазм может быть рассмотрен как оптимальная объяснительная структура уже для романа “Идиот”. Именно в нем она присутствует наиболее очевидно, не с точки зрения поверхностных отсылок или внешнего сюжета, развивающегося в “насушном видимо-текущем” (так Достоевский обозначал происходящее на поверхности бытия), а с точки зрения глубинного сюжета, связывающего происходящее в романе с “концами и началами» [8, с. 171].

Условно произведение можно разделить на несколько пространств.

Пространство слова.

Об этом пространстве хорошо говорит Д. Л. Башкиров: «Событие, в котором открывается миру герой романа Ф. М. Достоевского “Идиот” князь Мышкин, — слово. Вне слова главный герой утрачивает телесность, превращается в “рыцаря бедного”, или вновь ее обретает, но опять в слове, в какой-нибудь своей “записочке”. В слове он мучается безобразностью жизни, ее бессловесностью, безымянностью. В “словесной” природе образа князя Мышкина скрестились важнейшие положения христианской культуры, определяющие отношение к миру и человеку и шире — к Красоте, которая по пророческому восклицанию князя “спасет мир”. Образ идеального героя во многом предопределил исключительное по своему напряжению развитие событий. Они и их соединение, в котором ощущается стихия, влекущая, почти фатально, события друг к другу и одновременно демонстрирующая невозможность и фантастичность их соединения, порой равнозначны по своей значимости. За видимым фоном их движения в романе открывается другой: развитие идеального во времени, его вхождение в пространство, его воплощение» [2]. По мысли Д. Л. Башкирова, слово тяготит героя, заставляет страдать, приводит «к безобразности жизни», в то время как в безмолвии, напротив, князь обретает покой, тишину, воплощение «идеального». От пространства слова мы погружаемся в пространство безмолвия.

В этом пространстве безмолвия князя, в этой простоте и инаковости и открывается исихия. Мышкин совершенно открыт для знакомств, новых впечатлений и увлечений, светел и прост, но в то же время в нем постоянно присутствует то, что у монашествующих отцов называется «взглядом внутрь себя». «Обращающий зрение ума своего в себя, зрит в себе зарю Духа», — говорит об этом святитель Игнатий (Брянчанинов) [7, с. 182], и это обращение внутрь себя делает князя рассеянным. В. В. Розанов в труде «Смертное» описывает рассеянность не как отсутствие внимания, а как направленность на что-то иное, отличное от общепринятого,

на «свое»: «Рассеянный человек и есть сосредоточенный. Но не на ожидаемом или желаемом, а на другом и своем» [15].

Пространство мифа.

Р. Г. Назиров описывает роман «Идиот» как роман-миф, где находит свое отражение конфликт цельной личности мифологического сознания, человека мифа с окружающей действительностью [12]. По мысли Э. А. Радь, мифологический сюжет по своему главному семантическому значению можно обозначить как сюжет-макрособытие, затрагивающее каждого и всех, содержащее идеальный набор потенциалов человеческого существования в ситуации конфликтности [14, с. 17]. Миф, по А. Ф. Лосеву, явление, равномасштабное самой реальности жизни, поскольку «всякая живая личность есть так или иначе миф» [11, с. 99].

Продолжая мысль «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева, следуя путем апофатического богословия, Э. А. Радь подчеркивает, что мифическая отрешенность является одной из универсальных форм сознания человека («все на свете есть миф»), где рождается трагическая антиномия определения мифического сознания как соединение «чуда» и «реальности».

Подобно тому, как Эльза Анисовна мистериально выявляет в художественной действительности город как некую апокалипсическую зону, как зону катастрофы, обреченную на гибель, Петербург для Мышкина предстает именно таким апокалипсическим местом, местом суеты, страданий, гибели. Герой не обретает покой в городе, столкновении с обществом, имеющим привычку к развлечениям. Князь вовлекает людей, соприкасающихся с ним, в тайну глубинных мыслей, делает их сотаинниками. Однако, если обратиться к поэтике Достоевского М. М. Бахтина, именно в развлечении открывается карнавализация, снятие масок, воплощение истинного «я» героев, разрушение барьеров, где возникает «зона фамиллярного контакта всех со всеми» [1, с. 164] в отсутствии дистанции, сближении противоположностей и даже некое возведение посиделок до богословия Апокалипсиса. В оппозиции город-деревня Швейцария для Мышкина предстает местом покоя, тишины, исихии, «зоной спасения» [13], теозиса.

Пространство времени.

По мысли Михаила Ковсан, «субъективное время Достоевского — бесконечность мгновений: мгновений-прозрений, мгновений, определяющих судьбы, мгновений, вмещающих жизнь, мгновений, вечностью озаренных, мгновений настоящего, которые результат, продолжение прошлого, мгновений, в которых рождается будущее» [10]. Ф. М. Достоевский тщательно заботится о соответствии сюжетного времени, перенасыщенного событиями,

некоему реальному. Еще на ранней стадии работы он задумывается над временной протяженностью отдельных частей, над распределением событий во времени, первую половину второй части укладывая в единственный день, вторую же — в несколько. «Возвращение Князя из 5-дневного путешествия в Москву. Слишком скоро в 5 дней» [10]. События в «Идиоте» мгновенно сменяют друг друга, и в этой сумятице автор расставляет вехи, пунктуально отмечая иногда с точностью до минут течение обычного времени. Отец Александр Шмеман в своем труде «Евхаристия. Таинство Царства» писал: «*Время (καιρος) сотворити Господеви...*», — возвещает диакон предстоятелю. Но это не просто напоминание об «удобном» для совершения Таинства времени. Это утверждение и исповедание, что *новое время*, время Царства Божия и исполнения его Церковью, входит теперь в падшее время «мира сего», чтобы нас, Церковь возвести на небо и претворить в то, «что она есть»: Тело Христово и Храм Святого Духа» [16, с. 59]. Пространство времени в романе носит литургические отголоски, протяженность и важность мгновения, его ощущение, проживание напоминают читателю о глубинных потребностях человеческой души. Время в романе также показано как величина, относящаяся к конечному эсхатологическому завершению земного бытия.

Исихастские контексты в поэтике Ф. М. Достоевского, мистический опыт, переживание присутствия Бога, истинное «*sensus divinitatis*», связь метафизического и жизненно-эмпирического в произведениях — многогранная тема, не теряющая своей актуальности, требующая дальнейшего раскрытия. По мысли Г. М. Ибатуллиной, «наверное, мы не ошибемся, если скажем, что достичь этой прямой, непосредственно зримой связи между фактом метафизическим и фактом жизненно-эмпирическим всегда было одной из главных художественных целей для Достоевского» [6, с. 164].

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Изд-во АСТ, 2024. 448 с.

2. Башкиров Д. Л. Пространство слова в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: исихазм и творчество Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. М., 2003. № 17. С. 181–182.

3. Борхес Хорхе Луис. Атлас. Личная библиотека / Пер. с исп. СПб.: Азбука, 2022. 320 с

4. Василий (Кривошеин) архиеп. Богословские труды / Сост., автор биогр. вст. диакон Александр Мусин. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2011. 752 с.

5. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 15 т. Т. 6. Л., 1989.
6. *Ибатуллина Г. М.* Сквозь призму образа. Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX–XX веков. Уфа: Гилем, 2013. 320 с.
7. *Игнатий (Брянчанинов) свт.* Аскетические опыты // Его же. Полное собрание творений. Т. 2. М.: Паломник, 2001. С. 3–390.
8. *Касаткина Т. А.* Достоевский и исихазм: «Преступление и наказание» // *Неизвестный Достоевский*. 2022. № 4. С. 171–185.
9. *Климков О.* Опыт безмолвия. СПб.: Алетейя, 2001. 284 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://orthodox-book.ru/index.php?view=category&id=114%3A2012-04-> (Дата обращения: 17.09.2025).
10. *Ковсан Мих.* Достоевское пространство-и-время. Мгновения в «Идиоте» // *Топос. Литературно-философский журнал*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/dostoevskoe-prostranstvo-i-vremya-mgnoveniya-v-idiote> (Дата обращения: 17.09.2025).
11. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа / Сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 2001. 558 с.
12. *Назиров Р. Г.* Творческие принципы Достоевского. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. 160 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-book.php> (Дата обращения: 17.09.2025).
13. *Радь Э. А.* Мотив апокалипсиса в поэзии Глеба Анатольевича Чичко // *Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития филологической науки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Стерлитамак, 8–9 ноября 2022 г.* [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bashedu.ru/dl/local/RadEA_Sovr_probl_i_perspekt_sborn_2022.pdf (Дата обращения: 17.09.2025).
14. *Радь Э. А.* История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: монография. М.: Флинта: Наука, 2014. 276 с.
15. *Розанов В. В.* Смертное // *Наше наследие*. 1989. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1919_smertnoe.shtml (Дата обращения: 17.09.2025).
16. *Шмеман Александр прот.* Евхаристия: Таинство Царства. Париж: YMCA-Press, 1984. 313 с.

Никитина Вера Александровна (Башкортостан), аспирант кафедры русской литературы и литературы народов РФ факультета филологии Уфимского Университета науки и технологий; oshuyu@mail.ru.

Ссылка на публикацию:

Никитина В. А. Исихастские контексты в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы шестой всероссийской конференции*. Санкт-Петербург, 2 ноября 2025 г. СПб.: ЦХПА, 2025. С. 23–27.